

Хорунжий Сергей

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается институциональная сторона суверенитета как полнота законодательной, исполнительной и судебной власти; на его основе формируются общегосударственные ценности добросовестности и справедливости, которые находят свое отражение в решениях национальных судов; обосновывается историческая объективность существующих в международной практике различий в определении справедливости, приводятся аргументы в пользу приоритета юридической силы решений национальных судов высшей инстанции как соответствующих государственному суверенитету и интересам России.

Ключевые слова: суверенитет, решение суда, юридическая сила, справедливость, разделение власти, Европейский Суд по правам человека.

Author: *Khorunzhy S.N.*

Summary: in the present article the institutional party of the sovereignty as completeness of legislative, executive and judicial authority is considered; on its basis nation-wide values of integrity and justice which find the reflection in solutions of national vessels are formed; historical objectivity of distinctions existing in the international practice locates in determination of justice, arguments in favor of a priority of validity of solutions of national vessels of the highest authority as corresponding to the state sovereignty and interests of Russia are adduced.

Key words: the sovereignty, judgment, validity, justice, power division, the European Court on human rights.

Стержневым качеством подлинно самостоятельного государства является суверенитет. В соответствии с Конституцией РФ суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении. Все это, по мнению Конституционного Суда РФ, представляет собой необходимые качественные признаки Российской Федерации как государства, характеризующие ее конституционно-правовой статус¹.

Суверенитет имеет длительную историю развития и как явление государственной жизни, и как научная категория. Поэтому вполне очевидно

Хорунжий Сергей Николаевич – к.ю.н., руководитель аппарата Воронежской областной Думы, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета. E-mail: snhor@mail.ru; тел./факс (473) 277-83-94.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 № 10-П.

большое многообразие формулировок этого понятия, содержание и объем которых может существенно меняться в зависимости от конкретной исторической эпохи и государственного устройства. Отсюда вполне объяснимо понимание суверенитета как права суверена принимать решения об исключении общей, действовавшей ранее нормы и выходящие тем самым за пределы нормального правопорядка (как это было в XVI–XVII вв.)² либо новое прочтение древнеримской сецессии (демонстративного выхода плебеев за черту города³) в современном миропорядке, когда суверенитет рассматривается как право на выход из состава государства. В период европейской глобализации, сопровождающейся передачей государствами части своих прав международным органам и организациям, предлагается, например, разграничивать государственный суверенитет и народный суверенитет⁴.

По нашему мнению, наиболее полное и комплексное понимание суверенитета предлагает Ю. А. Тихомиров. Ученый вводит новую категорию — «суверенитет права», выделяя внутренний и внешний аспекты суверенитета. Внутренний суверенитет права рассматривается неотрывно от такого понятия, как национальная правовая система (сформированная на основе тех или иных правовых идей и концепций, а также системы национального законодательства) в самом широком смысле. Сюда включается наличие собственной устойчивой практики правоприменения, а также юридических учреждений и механизмов судебной и иной защиты. Внешний аспект суверенитета «означает признание независимости государства в определении его внешней и внутренней политики, причем в последнем случае с учетом международных принципов общения стран, организаций и граждан»⁵.

Вариативность понимания суверенитета практически неисчерпаема, что подчеркивает актуальность этой проблемы и высокую важность решаемых в ее рамках вопросов.

Помимо публично-правовых отношений, суверенитет можно рассматривать с точки зрения функционирования механизмов принятия и исполнения решений. Эффективность государственного управления напрямую зависит от слаженной работы всех властных институтов, которая позволяет наилучшим образом решать возникающие проблемы общества и

² Как указывает И. А. Исаев, «общая теория права, начиная со Средневековья, изучала только роль „подтверждения законности власти“». См.: Исаев И. А. Карл Шмитт о господстве и суверенитете // История государства и права. 2013. № 2. С. 2–5.

³ Заметим, что первая сецессия (лат. *secessio*, от *secedo* — «ухожу»), согласно римской традиции произошедшая в 494 г. до н. э., представляла собой форму протеста, борьбу плебеев с патрициями: уход из Рима плебеев, которые были основой массовой армии, оставлял город фактически без военной защиты. Такая форма «прямого волеизъявления» вряд ли соответствует современному пониманию сецессии, которая сближается скорее с сепаратизмом (лат. *separatus* — «отдельный»), чем с формами непосредственной демократии, использовавшимися при решении социально-политических задач древнеримского полиса. См., в частности: Кучуб Н. А. Римское право: учебно-методическое пособие. Оренбург, 2006. С. 213.

⁴ Худолей Д. М., Худолей К. М. К вопросу о понятии государственного суверенитета // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 35–45.

⁵ Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5–20.

государства в целом, в том числе на международном уровне, получая внешнеполитическое признание и различные прагматические результаты.

Поэтому, по нашему мнению, особое внимание следует уделить именно институциональной стороне суверенитета как полноты законодательной, исполнительной и судебной власти на территории государства и независимости в международном общении. Указанная самостоятельность в деятельности органов государственной власти, их взаимодополнение, включая различные уровни контроля, в том числе судебного, за принимаемыми решениями, позволяет обеспечить реализацию подлинно национальных, суверенных интересов страны.

Однако, несмотря на единство государственной власти и наличие системы сдержек и противовесов, ее судебная ветвь выполняет особую функцию. С одной стороны, она осуществляет правоприменительную деятельность, разрешая возникающие споры на основании действующего законодательства, с другой стороны, суд, в отличие от исполнительно-распорядительной власти, обладает достаточно широкими дискреционными полномочиями, выходящими за рамки чистого правоисполнения, присущего административной власти. Особая природа судебной власти, предполагающая законность судебного усмотрения, позволяет выйти за рамки узкого позитивизма и руководствоваться фундаментальными, общепризнанными человеческими ценностями. Еще «римское правосознание» допускало, чтобы судья, опираясь на принцип справедливости, поступал вопреки *ius civile*, но в рамках права (*naturalis praescriptis*).

Юридическая справедливость, которая возникла изначально как обязательный элемент всех исторических систем со слабой формализацией правовых категорий, по-прежнему остается фундаментом современной судебной системы. Высказывания Цицерона о том, что право состоит «из природы, закона, судебного решения, из справедливого и доброго и из соглашения»⁶, не теряют своей актуальности и в наши дни. Формула «право есть искусство доброго и справедливого»⁷ известна каждому исследователю правовых доктрин.

Социально-публичная категория «справедливость» стала одним из основополагающих принципов права, имеющим высочайшую общественную ценность. Не случайно в процессуальном законодательстве в качестве одной из задач судопроизводства закреплено справедливое публичное судебное разбирательство, а также правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел (п. 3 ст. 2 АПК РФ, ст. 2 ГПК РФ)⁸.

В постановлениях Конституционного Суда РФ неоднократно

⁶ Цит. по: Кофанов Л. Л. *Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э.* М.: Статут, 2006. С. 180–181.

⁷ Цельс: Д.1.1.1.

⁸ См., например: информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 2.

подчеркивалась общеправовая природа принципа справедливости, а также необходимость соблюдения его судами при рассмотрении дел и вынесении решений⁹.

Юридическим основанием для применения данного принципа также служит статья 6 ГК РФ, в соответствии с которой «при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости»¹⁰. Конструкция этой нормы подчеркивает наличие тесной взаимосвязи между общесоциальными ценностями (добросовестность, разумность, справедливость) и законом: с одной стороны, принцип, закрепленный в законе, становится нормой права, с другой — он сам выступает лишь как частное, институциональное проявление общих юридических закономерностей и фундаментальных основ права.

В нормах международного права, являющихся составной частью правовой системы России (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), принцип справедливости встречается достаточно часто. Так, в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывается, что «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела»¹¹.

Интенсивное развитие международных наднациональных институтов, происходящее на фоне глобализации, сопровождается активной имплементацией международных юридических норм и правил. Для развития законодательства это вполне объективный и понятный процесс, целью которого является установление общих для всех его участников легитимных процедур. Однако для национального судопроизводства, с точки зрения сохранения его самостоятельности, такая тенденция может приобретать совершенно иное, ненаблюдаемое прежде звучание. Трансформация одних элементов государственного устройства влечет за собой изменение всей системы управления: инкорпорируя нормы международного права, мы изменяем и практику рассмотрения споров по ним.

⁹ Об этом см., например: постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 17. Ст. 1657; постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2003 № 1-П; постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2000 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 19. Ст. 2102 и др.

¹⁰ Об использовании аналогии судом см., например: Алиэскеров М. Процессуальная аналогия в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 18; Черданцев А. Применение закона по аналогии // Российская юстиция. 1998. № 6. С. 41.

¹¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 1. Аналогичные нормы содержатся, например, в ст. 6 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1489. См. также: Венская декларация и программа действий (заключена в г. Вене 25.06.1993 на 2-й Всемирной конференции по правам человека) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 521–540; Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975; Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12; Хартия прав человека. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. № 67. 05.04.1995; Устав Организации Объединенных Наций и др.

В конечном счете возросшая роль международных институтов и, в данном контексте, Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) предоставляет ему полномочия, которые граничат с независимой национальной властью суда как самостоятельного публично-правового института конкретного государства. При таких обстоятельствах судебная власть становится институциональным элементом, обеспечивающим государственную независимость в межгосударственных отношениях.

Не отрицая важной положительной роли ЕСПЧ в защите фундаментальных общечеловеческих ценностей, вынуждены отметить, что современная практика судопроизводства ЕСПЧ пестрит множеством решений, требующих «преодоления» вынесенных ранее и вступивших в законную силу решений национальных судов. Основанием для подобного пересмотра выступают часто не факты прямого нарушения общепризнанных норм и правил, но юридико-культурологические расхождения в толкованиях базовых категорий, в том числе справедливости.

Не перечисляя примеры некорректного (порой деструктивного) воздействия на национальную систему правосудия и законодательства, укажем достойный подражания пример, продемонстрированный Федеральным конституционным судом Германии (далее — ФКС) в защиту национального законодательного и институционального судебного суверенитета.

ФКС рассмотрел вопрос о том, обладает ли постановление Европейского суда по правам человека такой юридической силой, которая отменяла бы окончательные и вступившие в законную силу постановления германских судов. Согласно правовой позиции ФКС, сформулированной в его ответе на этот вопрос, «основной закон имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но он не предусматривает отказа от суверенитета, закрепленного прежде всего в германской конституции. Следовательно, не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель, в порядке исключения, не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов»¹².

По мнению председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, указанный прецедент конструктивен, поскольку опирается на конституционный принцип государственного суверенитета и принцип верховенства конституции в системе нормативных правовых актов государства. Конституция РФ в статье 15, действительно, устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями самой Конституции. Поэтому Конституция РФ, устанавливая принципы государственного суверенитета и верховенства Основного Закона

¹² Цит. по: Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. № 5325 (246). Другие примеры можно найти в выступлении Зорькина...

в правовой системе России, превосходит юридическую силу, например, Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹³.

Не принимая во внимание политико-юридические аспекты конкурирования судебного суверенитета, постараемся посмотреть в корень проблемы: какие принципы положены в основу легитимного, т. е. признаваемого социумом и государством законного (легального) и справедливого решения?

Перечень общепризнанных юридических постулатов сформулирован в международных актах. Всеобщая декларация прав человека, принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых их прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира, провозглашает целый ряд фундаментальных общечеловеческих прав и свобод. Гуманность и всеобщая значимость декретированных в Декларации норм не вызывает никаких возражений, кроме одного, касающегося цивилизационно-культурологической и конкретно-исторической обусловленности провозглашенных в ней положений.

В свое время социолог, этнограф и культуролог К. Леви-Стросс указал на одно опасное заблуждение, которым он считал формулу ложного эволюционизма, «когда различные одновременно существующие состояния человеческих обществ трактуются как разные стадии, или шаги, единого процесса развития, движущегося к одной и той же цели»¹⁴. Такой подход приводит к фундаментальной ошибке в сравнении различных цивилизаций как проходящих определенным единым для всех путь. Напротив, принципиальное различие архаических европейских и так называемых примитивных обществ состоит не в том, что они не развивались, а в том, что история их развития не сопровождалась кумуляцией изобретений, но ориентировалась на сохранение изначальных способов установления связи с природой¹⁵. Развитие человеческого общества не эквивалентно техническому прогрессу, но обязательно включает в себя мировоззренческие аспекты духовного воспитания. В этом смысле справедливость, бесспорно, является наднациональной, внеисторической категорией, однако ее содержание с исторической очевидностью имеет темпоральные, государственные и социокультурные границы.

Выдающийся ученый Фр. Ф. Хайек, рассматривая соотношение права и справедливости, подверг критике идеологов правового позитивизма, которые ставили знак равенства между законом и справедливостью. Он подводит к мысли об антропоморфности данной категории. «Строго говоря, — писал Фр. Ф. Хайек, — справедливым или несправедливым можно назвать только поведение человека; в отношении вещей этот термин будет иметь смысл

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по А. Б. Островскому — см.: К. Леви-Стросс. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. С. 5.

¹⁵ К. Леви-Стросс. Указ. соч. С. 5.

лишь в том случае, если мы считаем кого-то ответственным за сделанное или случившееся»¹⁶.

Следует помнить, что устойчивость юридического статуса субъекта права обеспечивается соотношением декларируемых прав, с одной стороны, и возможностью реализовать эти права — с другой, т. е. обязанностью соответствующих лиц и институтов обеспечить реализацию упомянутых прав. В этом смысле и общество, и государство обязаны быть готовыми к предоставлению декларируемых благ как с точки зрения мировоззренческой, так и сугубо практической. Вряд ли древняя Спарта, исполняя волю законодателя Ликурга о полном исключении из оборота золота и серебра, смогла бы оставаться великим государством на протяжении почти пятисот лет, если бы этот правитель не предусмотрел соответствующих — демократических — мер, обеспечивших благоденствие своих граждан¹⁷. Также без учета конкретных исторических обстоятельств не менее сложно будет объяснить причины, по которым в русском законодательстве состав такого должностного преступления, как посул (взятка), появился в 1467 году (в Псковской судной грамоте), а санкция за него была предусмотрена спустя почти сто лет — в царском Судебнике 1550 года. Если не принимать во внимание сложившуюся в тот период систему кормлений, которая лежала в основе механизма государственного и муниципального управления, всякое объяснение будет узким и неполным.

Подобные обстоятельства общественной жизни находят свое объективное историческое отражение в виде соответствующих норм действующего законодательства и судебной практики. Вместе с этим возникают новые, глубоко дискуссионные вопросы, при решении которых очень трудно найти всеобщий консенсус, например вопросы смертной казни или эвтаназии. Так, если говорить о последней, то стремительное технологическое развитие поставило перед социумом вопросы, которые вышли за пределы прежних гуманистических норм, существовавших длительное время. Право на жизнь стало толковаться с позиции права на самоопределение ее продолжительности, а справедливость бытия приобрела совершенно иной моральный аспект. Очевидно, что такие вопросы в своем современном виде прежде перед обществом не возникали и использовать для их решения существующие нормы так же неприемлемо, как неприемлемо применять законы военного времени в мирный период и наоборот.

Рецепты и решения, привносимые извне, из юридических культур другого типа и находящихся на других стадиях развития, могут иметь неблагоприятные последствия. При этих обстоятельствах именно суверенитет власти позволяет обеспечить стабильность развития общества и государства. Государственно-публичные институты выступают в роли соответствующих инструментов в этой работе, выбирая именно те правила

¹⁶ Учение позитивистов о том, что законодатель является творцом справедливости, привело, по мнению ученого, к дискредитации самой концепции справедливости (см.: Хайек Фр. Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 199, 213–221).

¹⁷ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М., 2008.

справедливого поведения, которые, как пишет Фр. Ф. Хайек, «служат предотвращению конфликтов и облегчению сотрудничества, устраняя некоторые источники неопределенности»¹⁸.

Именно здесь наиболее актуальна потребность в профессиональной и независимой квалификации предметной деятельности человека, обеспечение которой возложено на суд. Однако независимость суда не означает его независимости от закона, напротив, судебное решение максимально связано требованиями действующего законодательства¹⁹. В противном случае вынесенное судом решение, вместо того чтобы сохранять упорядоченность существующих правоотношений, может ее разрушить.

Справедливость выносимых судом решений достигается в том числе благодаря юридическому статусу суда как самостоятельного, независимого органа государственной власти, способного оценить не только конкретные нормы и требования действующего национального и международного законодательства, но и достигнуть основной цели судопроизводства в виде поддержания существующего порядка действий. Конституционный Суд РФ отмечал, что конституционный принцип правового государства возлагает на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, что предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому защиту его прав и свобод со стороны государства. Поэтому «правосудие как важнейший элемент данного правопорядка по самой своей сути является таковым, если обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах»²⁰.

Вышеизложенные примеры и юридически объективированные судебные позиции свидетельствуют о тесной связи правопорядка с господствующей в конкретном обществе и государстве концепцией справедливости. Вероятно, сторонники «открытого общества» найдут множество аргументов против «национализации» справедливости, однако даже самые яростные его апологеты и авторы (например, К. Поппер²¹) не

¹⁸ Хайек Фр. Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 206–207. Ученый выводит соответствующее толкование концепции справедливости как принципа равного и беспристрастного применения правил: оценка действий в соответствии с правилами, а не с результатами. Вероятно, по аналогии с определением справедливости, данной Ульпианом: *est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi* («постоянная и неизменная воля воздавать каждому свое»).

¹⁹ Провозглашаемые судом правила «должны заполнять лакуны в совокупности уже принятых правил таким образом, чтобы поддерживать и совершенствовать тот порядок, который оказался возможен благодаря уже принятым правилам»; если же «не удастся вывести решение из признанных правил, оно тем не менее должно быть совместимо с существующей совокупностью правил в том смысле, что должно служить тому же порядку действий» (Хайек Фр. Ф. Указ. соч. С. 118, 134).

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ, 2005. № 4.

²¹ Полемизируя с Платоном и критикуя его идею тоталитарной справедливости как того, что действует «в интересах лучшего государства», К. Поппер указывает на распространенное в обществе и поддерживаемое им понимание государственной справедливости: а) различные ограничения свободы, которые необходимы в общественной жизни; б) равенство перед законом; в) беспристрастность законов по отношению к группам и классам граждан; г) справедливый суд; д) равное распределение преимуществ. (Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. С. 126).

отрицают гармонизирующую роль национальной власти в установлении правопорядка в конкретном государстве.

Не следует забывать также об объективных исторических различиях, присущих разным этапам формирования и развития соответствующих государств и их институтов. Положительные примеры самоорганизации законодателя и судов через понимание им существа *potos* (закон свободы) Фр. Ф. Хайека в рамках классической идеи децентрализации власти вряд ли смогут объяснить хотя и близкую, но все же иную природу государственной власти Соединенных Штатов Америки, где отцы-основатели не доверяли сильной единоличной власти, поэтому «государственные и общественные институты преднамеренно (были. — С. Х.) задуманы для ослабления или уменьшения влияния государственной власти»²².

В этой связи отдельного внимания заслуживают выводы американского философа и политического экономиста Ф. Фукуямы, которые он сформулировал по результатам исследования проблем построения современного сильного государства. В частности, ученый отметил, что в течение нескольких десятков лет ведущей тенденцией в мировой политике было ослабление государственности, уменьшение доли государственного сектора и обращение к рынку или к функциям гражданского общества. Однако рост мировой экономики привел к разрушению автономии суверенных национальных государств за счет возрастания скорости обмена информацией и повышения мобильности капитала. Поэтому, делает заключение исследователь, те, кто выступает за «сумерки государственности», должны прежде объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире: «на самом деле эту пропасть заполнило разношерстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп и так далее, которые могут обладать в определенной степени властью и легитимностью, но редко тем и другим сразу. За неимением ясного ответа нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным»²³.

Конечно, недопустимо отрицать взаимную зависимость существующих национальных правовых систем и положительную роль имплементации международно-правовых норм. Истории известно множество негативных примеров консервации правовых систем в своем развитии. Подчеркнем, что позитивные результаты юрико-нормативной интеграции (во всех ее формах — инкорпорации, трансформации и проч.) возможны лишь в том случае, если соблюдается уже сложившийся в конкретном государстве и обществе баланс между «неформальной нормативностью общественной морали и формальными правовыми нормами» (В. Зорькин).

²² См.: Lipset, Seymour Martin. *American Exceptionalism: A Double-Edged Sword*. — New York: W. W. Norton, 1995. P. 39; Фукуяма Ф. *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке*: [пер. с англ.]. М., 2006. С. 8.

²³ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 67; также см.: Evans, Peter B. *The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization // World Politics*. 1997, No 50. P. 71.

Гармонизирующая роль международных правовых норм возможна только при обеспечении указанной социальной регулятивности. В этом случае содержание принципа судебной субсидиарности соответствует его наименованию, а имплементация международных норм не будет рассматриваться как посягательство на национальный суверенитет и независимость судебной власти.